Молодому человеку удалось украсть у Секки шашку, отдал он ее мастеру для переделки — изменить вид — и с этой шашкой пошел к Секки.

— Ты наш великий князь! Я хочу стать тебе верным воякой, и хочу купить у одного грузина вот эту шашку. Ты посмотри и скажи мне, можно ли эту шашку купить?

Секки посмотрел с одной стороны, с другой стороны и сказал, что это его шашка. Молодой человек уверял, что шашка украдена у грузинского князя, и он ее привез в Мельхистан, чтобы продать ее. Тогда Секки передал эту шашку молодому человеку и сказал:

— Если эта шашка моя, то она поразит меня; если не моя — не поразит. Поэтому для пробы ударь меня этой шашкой.

Он отдал шашку и стал к нему спиной. Молодой человек этого и хотел; ударом большой силы отсек у Секки голову. Голова покатилась с горы вниз и дважды пробормотала:

— Поныне нет князя в Мельхистах! Поныне нет князя в Мельхистах!

Вслед за этим все мельхистинцы вторили:

— И не будет князя в Мельхистах! И не будет князя в Мельхистах!

Люди похоронили Секки в глубокой пещере. А того молодого человека, который отсек голову, женили на той, которую он любил, и живут они и множатся. И с тех пор в Мельхистах не было князя, и мельхистинцы живут как горные орлы.

Записано в 1930 г. в с. Итум-кале. Сказитель не указан // ЧИФ, с. 249—251.

НАИБ
(НАИБ)

...Бывают люди такие храбрые — джигиты называются, смелые люди — ей бо!

Было у Шамиля много джигитов, один из них, Наиб, был всем джигитам — джигит. Случай с ним был однажды такой. Пробирался этот джигит горной тропой, и был он один... Случилось так — наверное в разведку ходил? А враги давно хотели его убить, да всё случая искали. Только в открытом бою нельзя было ни взять его, ни убить — храбр он был? и пуля его меткая была, и кинжал его, как жало змеи жалил.

Ну вот, шёл он горными тропами, шёл и песню запел и задумался. Но случилось так, что узнали враги его путь. Может предатель такой нашёлся, а может, услышали они его песню... И подкрался один из врагов его сзади. Одному легче подкрасться незаметно. Подполз он, как трусливый шакал, сзади и выстрелил в джигита. И, увидев, что пуля попала в джигита, думая, что рана смертельна, этот враг, шакал, а не человек, с торжеством вышел из-за скалы полюбоваться смертью джигита. Но джигит выхватил кинжал свой и пулю, в него попавшую, вырезал из тела, и, зарядив ею свое ружьё, обернулся быстро, и насмерть убил своего врага его же собственной пулей. Рассказывать об этом долго, а было это так быстро, как быстро падает ястреб на свою добычу. Увидев смерть своего товарища, остальные враги его, разбежались, как зайцы. Вот, какой джигит был, всем джигитам — джигит — ей бо!

Записала Уствольская Н.М. 21 августа 1939 г. со слов Абдул-Кодира Кади-Магомаева, с. Итум-кале, который слышал предание в с. Туга (Майста) // Дневник похода 39 года по Чечне и Тушетии.

ПОБЕДА СЕПЫ
(СЕПИН ТОЛАМ)

Коротах (Кхоратха) и Цой-Педе (ЦIой-пхьеда) так называемые мялхистинских (маьлхастой) два села стоят рядом. В одно время цой-пхедахой батрачили на кхоратхой. Многочисленные стада коратхойцев летом пасли, а зимой содержали цой-пхедахойцы. Кроме того, скотину, погибшую по болезни ли, по травме ли восстановить должны были батраки. Со временем, в Цой-педе один крепкий сильный молодой человек вырос. Его имя было Сепа. В один день, с выпаса на зиму домой коратхоевскую скотину пригнав, цой-педахоевцам раздал Сепа. Узнав это, Сепу схватить коратхоевцами присланный отряд, цой-педахойцы уничтожили. После этого, когда прошло достаточно времени, улучив момент, когда Сепа отлучился из дома, напали коратхойцы, разрушили Цой-пхеда, и имевшуюся в селе всю скотину увели. Следом за коратхойцами отправился турпал-Сепа. До вечера всех врагов уничтожив, коратхойцев владычество низвергнув, их скот и землю захватил Сепа. С тех пор в селах Мялхисты верховодило село Цой-педе.

Записал Серажди Умаров в с. Итум-кале со слов Магомеда Борчашвили // «Орга», 1969, № 1, с. 46.

ПОБЕДА ЧЕБЕРЛОЙСКИХ КНЯЗЕЙ
(ЧIЕБАРЛОЙН ЭЛИЙН ТОЛАМ)

На землях, справа от Шаро-Аргуна, право на господство оспаривали чобяккенароевские (чобаькккхинчой), макажойские (макажой) и чеберлойские (чIебарлой) князья.

Чобяккхинаройского князя пленили однажды князья макажойские. После этого чобяккхинаройский князь послал человека к князю чеберлоевскому обсудить предложение об избрании общего князя. «Победивший из нас будет князем», — с таким ответом чобяккхенароевского посланника вернул чеберлойский князь. После этого князьями было решено собраться в Чобяккенарое на состязание в доблести. В утро, оговоренное чеберлоевскими князьями, на украшенной коврами площади, спиной в сторону откуда должны были приехать гости, приготовившись стоял князь чобяккхинаройский. Испугавшись князей чеберлоевских, подъезжавших на быстрых как ветер скакунах со своим войском, быстро обернувшись, Чобяккхинаройский князь издал неприличный звук. «Если я не смог совладать со своим телом, не дождавшись прибытия соперников, я и подавно не справлюсь, когда они прибудут», — сказал, и сам себя убил чобяккхинаройский князь. После того, земли на правой стороне Шаро-Аргуна остались под властью чеберлойских князей, и все люди живущие на тех землях, стали называться чеберлоевцами (чIебарлой).

Записал в 1967 г. Сираждин Умаров в с. Чобяккхинарой со слов Камиева Муллы // «Орга», 1968, № 1, с. 56.

ПОХОРОНЫ
(ТЕЗЕТ)

Чермоец Тата (Чермойн Тата) погиб 10 октября 1840 г. во время сражения между селом Автуры (Эвтара) и хутором Саид-котар (СаьIид-кIотар). В тот момент, когда он ударил мечом офицера, тот успел выстрелить в него. На второй день в Автурах на похоронах Таты присутствовали наибы имама Шамиля: Ахмад Автуринский, Дуду Исмаилов, Галаб (ГIалаб) Гихтинский, абрек Геха (Геха), кумык Идрис и многие другие известные люди того времени.

Они объявили, что Тата погиб в газавате и прочитали соответствующую молитву, а на кладбище поставили надмогильный шест.

До выселения чеченцев шест стоял. Когда чеченцы в 1957 г. вернулись домой, ни шеста, ни чурта на кладбище не было.

Записал Гапураев Хасан в 1965 г. в с. Автуры со слов Рашидова Пат-Али. Пат-Али, 1898 г.р. // Пхармат, 1992, № 2, с. 13. Перевод Хеди Цураевой.

ПРОКЛЯТЬЕ, ПОСТИГШЕЕ КНЯЗЯ (ЭЛАХ БАХАНА САРДАМ)

В Горно-Аккинском обществе (Лам-Аькхха) жил князь Джени. Взяв в свидетели предводителей общества, застолбив («зIе такхош»: букв. «протянул цепь»), занял он очень много земли. Как-то, на той земле поставить башню привел он мастера. Закончив класть башню, мастер остановился на макушке, назвать подарок, полагающийся ему сверх назначенной платы. «Быстро спускайся вниз, вместо подарка и платы твоя жизнь тебе», — сказав, из села выгнал Джени мастера. «Да прервет Боже твой род!» — сказав, проклял князя мастер, покидая село. После этого и года не прошло, и семья, и братья-сестры умерли, больше потомства не имея, один остался Джени.

Записал в Серноводске Сиражди Умаров со слов Чергизова Исмаила в 1969 г. // Орга, 1970, № 1, с. 61.

САБЛЯ ТАМЕРЛАНА

Говорят, когда пришли полчища Хромого Тимура, предки чеченцев оказали ему очень упорное сопротивление, почти вся мужская часть населения была истреблена. Тимур был восхищен доблестью чеченцев. Говорят, он приказал привести пленных, после очередного сражения, но привели только старика, который и оружия не мог держать в руках, он был певец-сказитель (илланча). Тимур, отмечая мужество чеченцев, подарил ему саблю, и она хранилась в национальном, краеведческом музее г. Грозного, откуда была похищена после выселения вайнахов в 1944 г.

СЕСКА СОЛСА[60]

На горе Тумсойн-лам, по дороге в Галанчож (Галайнчlож) есть село называемое Пешхой (Поьшха)[61]. Сказывают, недалеко от того села Сеска Солса мечом ударил каменную скалу. Выше дома возвышается этот камень. Вокруг больше ни одного подобного ему камня и бута (чхар) нет, за исключением жесткой травы.

Чтобы испытать меч Соскан Солса ударил посередине, и надвое разделился этот камень, рассказывают о нем.

Недалеко от него еще одно место есть. Там есть дыра размером с сахарную головку (как лунка). Эта ямка образовалась там, где Соска Солсы конь копытом ударил, сказывают. Чтобы в эту дыру не попала нога человека или скотины ее засыпали землей.

В Шатойском (Шуьйта) районе близ селения Зоны (Зонах) есть одна лощина. Много столетий назад родник был, говорят, протекавший через эту лощину. В тридцати шагах над дорогой есть пещера такого размера, где мог бы спрятаться человек. В той пещере жили-были три девы, говорят. Ныне она называется «Место, где жили три девы».

Привязав к своим косам кувшин, три девы доставали воду из родника, находившегося в тридцати шагах вниз.

Напротив горы, где, говорят, жили три девы, к западу от нее, в сторону Варандоя, есть еще одна гора. Прознав о трех девах, с той горы, на которой он жил, на своём коне верхом, говорят, перескакивал Соскан Солса на гору, где жили те девы,

Следы, которые оставили копыта коня Соскан Солса и поныне есть там, говорят.

Так и не дал им житья Соскан Солса, испугавшись, с той горы бежали три девы жить на гору Казбек (Башлам).

Записал в Хал-килое со слов Эльдарханова Халида Ошаев Халид.

СИЛА ГОРЦЕВ

Около столетия назад в горы, в гости, пошел с равнины человек. В горах проведя некоторое время, домой вернулся он.

Люди, слышавшие о горах всякие небылицы, удивлялись тому, что он туда пошел. Поэтому его расспрашивать начали они: «Расскажи, мол, как было в горах? Так ли там необычно, как мы слышали? Были там дикие дебри? Места, где волки воют? Узкие тропы, где и пеший с трудом пройдет?»

— Было, было, как мы и слышали, — сказал этот человек, — но удивительнее всего этого мне показалось другое: тамошние люди, дав по имени каждой траве, почти всю ее едят.

Раньше в горах жившие люди много ели разных трав: татеш, крапиву (нитт), черемшу (хьонка), кIалхьаьд, цхьавриг, тIохург, час-бIаьIаш, лопух (IаьIа)[62], нахташ. Они ели их не потому, что еды было меньше чем сейчас, а потому, что знали их силу.

Записал Джамбеков Шаарани со слов Вагаева Лазиза, чIинхо // «Пхармат», 1992, № 2, с. 73.

СЛОМАННАЯ БОРОНА
(ВОВШАХБАЬЛЛА МЕКХА)

Близ села, именуемого Ялхара, на высокой горе стоял один аул (пхьа) именуемый Велах. Вокруг аула, такие маленькие, что едва собака на задние лапы могла сесть пашни были (жIаьла кIегар хаъал кегий кхаш дара), где велахойцы ячмень или овес сеяли.

Эти пашни примыкали к краю обрыва, высотой в версту.

Одним днем, в полдень, сельчанин работая, на борону своего трехлетнего сына посадив, бороновал. В борону впряжены были два очень плохо обученных вола.

Неожиданно, испугавшись чего-то, два вола к обрыву бросились. С бороны паренек, съежившись, спрыгнул.

Вслед волам отец, восклицая «Iайт», «вIайт» побежал. Борону прихватив, в тот высокий обрыв, «къакъ» сказав, нырнули волы.

— ОстопируллахI! — сказал отец, и повернулся к сыну. — Сбегай, сын, приведи тех двух волов. До вечера успеешь вернуться. Борона же, точно разбилась!

Записал Халид Ошаев. Сказитель не указан // Орга, 1963, № 1, с. 55.

СОЛЕВАРНЯ
(БЕРХIА)

В Берхате (БерхIате) четырехугольный колодец был. Из него соляной раствор (берам) выварили в чугунных котлах. Потом, вместо них люди стали использовать большой железный лист с бортами. В нем рассол кипятили. Получавшаяся соль была сырая и имела черный цвет. Чуть-чуть кровь скотины когда добавляли, становилась белая как снег эта соль. Купить ее приходили издалека люди. Ее купить в горы казаки и дагестанцы приходили.

Теперь это место, где добывали соль, заброшено. Спорить из-за него, чтобы там соль добывая, тяжко трудиться, нет нужды в наше время.

Записал Дахкильгов Ибрагим в с. Бамут со слов Терлоева Хасана, 1905 г.р. // «Орга», 1975, № 3, с. 49.

ТАЗБИЧИНСКИЕ КНЯЗЬЯ: АКБОЛАТ И ЧЕГА
(ТАЗБИЧАХЬ БАЬХНА ЭЛИЙ: АКХБОЛАТТИЙ, ЧIЕГИЙ)

В Тазбичи, владея жилыми и боевыми башнями, жили два князя Чега и Акболат. Что они хотели, то и творили. Проходящих по дороге людей останавливали, будто бы подшучивая, издевались княжьи жены и дети. Некоторые люди могли забрать домой своих невест только после того, как они проведут три ночи с Чегой или Акболатом. Шамиль не смог сразу уничтожить этих двух князей.

Их двоих уничтожить хитростью решил Шамиль. Чегина однотейповца Махмаева (Махьмин) Алдама назначив наибом, поставил его в известность имам о необходимости уничтожить князей. Это Махмаеву Алдаму поручил он. Акболата родственнику, своему другу Чупале это рассказал наиб. «Ты своего Чегу убить должен, я нашего Акболата сам убью», — сказал Чупала. Порешив на том, расстались эти двое. Не прошло много времени, Чупала Акболата убил. Но наиб Алдам свое слово не сдержал.

Записал в с. Тазбичи Серажди Умаров со слов Муртазалиева Абдул-Муслима, переехавшего в 1968 г. в Закан-Юрт // «Орга», 1969, № 1, с. 45—46. Перевод составителей.

ТЕРЛОЙСКИЙ КНЯЗЬ БЕРГ-БИЧА
(ТIЕРЛОЙН ЭЛА БЕРГ-БИЧА)

Где ТIерлойн-ахк впадает в Аргун стоят три боевые башни (бIав), которые называют «КIирда бIаьвнаш». Это башни Берг-Бича были. Села, которые были вверх и вниз по ТIерлойн-ахк были собственностью Берг-Бича. Он посадил своих сыновей (къоьнгий) в села, которые называются Кхоьрачу, Кхенаха, Гуьйра, Баса, НикIара. Берг-Бича сыновьям разводили скот, жито сеяли, жилые и боевые башни строить камень подвозили подневольные люди. Кроме того, у них была дружина, которая пленяла, продавала бедных-слабых.

Записал Серажди Умаров в с. Серноводске со слов Ибрагимова Усмана, уроженца Терлоя // «Орга», 1969, № 1, с. 46.

ТРИ СЕСТРЫ
(КХАА ЙИШИН ТУЬЙРА)

Жили-были муж и жена. Было у них три дочери. Через некоторое время жена умерла, остался отец с тремя

дочерьми. Долго он растил их один, не желая жениться из уважения к памяти покойной жены. В конце концов, он был вынужден взять жену.

Мачеха невзлюбила падчериц и поставила условие мужу — не бросишь их, не буду жить с тобой. Испугался отец, повез он дочерей в лес, высадил их в чаще лесной и тайком вернулся домой.

Долго искали сестры своего отца. Потом поняли, что он их бросил, вырыли себе в густом лесу землянку и стали в ней жить.

Так они и жили, когда, однажды, царь со своим войском, вышедший на развлечение, наткнулся на них.

Разгневанный царь спросил у трех дев, кто посмел без его разрешения вступить ногой на его землю? Кто вы такие и что вам надо?

Три девы ответили:

— Мы три сестры, отец нас бросил, и мы живем на твоей земле.

Царь спросил старшую сестру:

— Чем бы ты смогла помочь моему войску?

Девушка ответила:

— Я из одного замеса теста смогла бы досыта накормить твое войско.

Второй раз он обратился с вопросом к средней сестре:

— Что ты смогла бы сделать для моего войска?

— Я из одного сафьяна смогла бы обуть все твое войско, — ответила она.

Младшей из сестер он задал тот же вопрос, та ответила:

— Я родила бы тебе витязей (турпал) дочь и сына.

Царь очень довольный ответом сказал:

— Тогда ты станешь моей женой.

Царь отвез трех сестер в свой дворец, женился на младшей сестре, и вскоре родила она витязей — дочку и сына.

В эту ночь ощетинилась собака царя.

Завистливые сестры, невзлюбившие свою сестру, и слуги царя сговорились, и пока об этом не стало всем известно, положили детей в ящик и бросили в реку, потом забрали двух щенят и пошли к царю со словами:

— Вот они дети, которые родила тебе жена.

Разгневанный царь приказал: «Быстро выгоните опозорившую меня жену».

Тем временем ящик с детьми плыл по реке, пока не зацепился за жернова мельницы.

Мельник вышел и, увидев ящик, взял его и занес в дом. Открыв ящик, он увидел двух детей изумительной красоты и решил оставить их себе.

Когда им исполнилось семь лет, дети стали сомневаться, что они родные дети мельника и спросили его об этом:

— Мы твои дети?

Мельник ответил.

— Вы не мои дети. Я был в мельнице, когда она остановилась. Вышел посмотреть в чем дело и увидел ящик, который зацепился за жернова. Я вытащил ящик, занес в дом и, открыв его, увидел вас в нем. Больше я о вас ничего не знаю.

Мальчик внимательно выслушал мельника, поблагодарил его за все, что он сделал для них, и попросили они разрешения идти на поиск своих родителей. Мельник дал свое согласие.

Брат с сестрой взяли с собой пищу, который дал им мельник на дорогу, и двинулись в путь.

Они шли уже несколько дней и ночей, когда брат сказал сестре: «Сколько бы мы не шли с тобой мы не сможем сказать, что дошли до дома, нам лучше остановиться и жить здесь».

— А что мы с тобой кушать будем? — спросила сестра.

— Я буду охотиться, а ты будешь готовить нам с тобой пищу из моей добычи, — ответил брат.

Так они стали жить, вырыв себе землянку в чистом поле.

Оказывается, сами того не ведая, они остановились на землях своего отца-царя. Не прошло много времени как царь, со своим войском, вышедший на развлечение, увидел их.

Очарованный их красотой, царь быстро вернулся домой и рассказал об увиденном своим слугам. Слуги сразу поняли, чьи эти дети: «Ты увидел шайтанов, лучше не распространяйся об этом, иначе тебя сочтут за сумасшедшего», — сказали они царю и, уверив его в этом, задумали они погубить детей, и пошли посоветоваться с советником царя.

Они пришли к советнику за советом, каким образом им убить детей и попросили его помочь им в этом.

Советник им сказал: «Я отправлю парня (кІант) туда, откуда он не вернется домой. А сестра пойдет за ним и пропадет».

На второй день, на рассвете, советник отправил детям своего слугу.

Слуга отправился к детям и сказал девочке (канта не было дома): «Какая ты красивая девочка, наверное, и брат у тебя такой же красивый. С вашей красотой вам не хватает одной вещи. За тремя горами у одного безглазого старика есть коза с золотым волосом, почему бы тебе не отправить за ним своего брата?

Девочка одобрила его и со слезами стала ждать возвращения брата.

Вернувшись домой, брат спросил: «Почему ты плачешь, дорогая сестра, кто тебя обидел?»

— Никто меня не обидел, я плачу, потому что хочу козу, с золотым волосом, который живет за тремя горами, — ответила сестра.

Не очень хотелось идти брату, но чтобы угодить сестре отравился он за козой с золотым волосом слепого старца, жившего за тремя горами.

Долго он шел, прошло немало дней и ночей, и вот встретился он за тремя горами со слепым старцем. По всему пастбищу паслись овцы. Присмотревшись к ним, он заметил среди овец козу с золотым волосом и двинулся к нему. Старик узнал об этом и крикнул ему: «Кант, жаль мне твою красивую голову. Сколько хороших парней поглотила земля из-за моей козы. Прошу, иди своей дорогой, оставь мою козу. Я ведь слепой старик».

Парень ответил: «Старец, без твоего согласия я не забрал бы твою козу. Но если ты не против, я взял бы из твоей отары козу с золотым волосом, о которой так мечтает моя единственная сестра».

Старик остался доволен его словами. «Раз так говоришь, я не буду против, если уведешь даже целую отару», — сказал он, и дал парню поймать козу и с этой козой проводил его в дорогу.

Сестра очень обрадовалась, когда брат вернулся домой с козой с золотым волосом. Так и жили брат с сестрой с козой с золотым волосом, брат охотился, а сестра занималась домашними делами.

Царь, отправившись к ним, узнал, что они живут с козой с золотым волосом. Удивленный вернулся он домой и рассказал об увиденном своим слугам. Они

уверили царя, что он видел джиннов и пошли посоветоваться с советником царя, тот им сказал: «Теперь я отправлю его в другое место, там его убьют, а сестра пойдет за ним и пропадет».

Отправил советник своего слугу к сестре (брат был на охоте), он ей сказал: « Хорошо, что у вас теперь есть эта коза, а за пятью горами живет одноглазый нарт-орстхоец, с глазом посередине лба, у него растут золотые яблоки, принести бы одно яблоко и у вас был бы целый сад, на ветру эти яблоки звенят, словно колокольчики. Почему бы тебе не отправить за ними брата?»

Сестра плакала, нетерпеливо ожидая возвращения брата. Вернувшись домой, он спросил сестру: «Почему ты плачешь дорогая сестра, кто обидел тебя?»

Тогда сестра ответила: «Никто меня не обидел, а плачу я потому что хочу золотые яблоки нарт-орстхойца, живущего за пятью горами».

Брат догадываясь, что это чей-то злой умысел, чтобы их разлучить, но в угоду сестре, простившись с ней, отправился в дорогу за золотыми яблоками, что росли за пятью горами.

Долго он шел пока не встретился ему старик, живший за тремя горами. Когда кант рассказал, что идет за золотыми яблоками нарт-орстхойца, живущего за пятью горами, старик сказал ему: «За трудное дело ты взялся, не легко добыть яблоки нарт-орстхойца, никто еще не возвращался с его яблоками. Но если ты решил идти, я тебе помогу.

Золотые яблоки стережет ни один нарт-орстхоец, их стерегут и медведи и волки.

Как дойдешь до них крикни: «Эй, медведи, вы, наверное, проголодались, стоя на страже, съешьте этих кур?» — этими словами брось им курятину. А кур для них я дам тебе.

Таким образом, пройдя мимо медведей, ты дойдешь до волков. Им ты тоже скажешь: «Волки, подойдите, наверное, вы проголодались, стоя на страже, съешьте этих коров». Я дам тебе для них шесть коров.

Идя дальше, ты дойдешь до реки. Как только дойдешь, сойди с коня и с пригоршни выпей воду и похвали ее, скажи какая вкусная. Пройдя через реку, ты дойдешь до яблони с золотыми яблоками. Под деревом будет спать нарт-орстхоец. Приближаясь к яблони, пришпорь коня, быстро сорви яблоко и помчись

обратно. Как только ты сорвешь яблоко, проснется нарт-орстхоец и кинется вдогонку. Если он не догонит тебя, вернешься обратно.

Поняв, что он не догонит тебя, он крикнет реке: «Эй, река, не упускай его, он украл мое яблоко», — но река ничего не сделает тебе.

Второй раз нарт-орстхоец крикнет волкам: «Эй, волки, не упускайте его, у него мое яблоко», — но волки не тронут тебя.

Третий раз крикнет нарт-орстхоец медведям: «Эй, медведи, не упускайте его, он взял наше яблоко». Медведи не окажут тебе сопротивление. Как только проскочишь мимо медведей, считай, что вернулся обратно.

Старик выбрал лучшего коня со своего табуна, взамен захудалой лошади канта, дал ему шесть коров, множество кур и проводил в дорогу.

Он шел долго, пока не прошел пять гор и увидел медведей.

Он крикнул им, как его учил старик, «медведи, вы, наверное, проголодались, пока стояли на страже, подойдите сюда, поешьте этих кур», — с этими словами он дал им кур и пошел дальше.

Он шел и шел, пока не дошел до волков. Им он сказал то же самое, что и медведям, дал им шесть коров и продолжил свой путь.

Дойдя до реки, он сошел с коня и, выпив с пригоршни воду, похвалил его за хороший вкус и перешел реку.

Он продолжал свой путь, пока не услышал колокольный звон золотых яблок, раскачиваемых ветром.

Приблизившись к яблоне, парень пришпорил коня, на скаку сорвал яблоко и помчался обратно. Услышав, как срывают яблоко, нарт проснулся. Он быстро вскочил и помчался за кантом, но тот был уже далеко. Когда он понял, что не догнать ему канта, он крикнул реке: «Эй, река, не пропусти его, он украл мое яблоко». Река пропустила канта и ответила: «Не могу я его наказать — не было путника более вежливого, чем он».

Тогда волкам крикнул нарт: «Эй, волки, не упускайте его, у него мое яблоко». Волки тоже пропустили парня и сказали: «Не можем мы его наказать, никто так не накормил нас, как он».

Он крикнул также медведям, но и те не попытались оказать сопротивление парню.

Отдохнув у старика, парень пересел на свою лошадь, поблагодарил старика и с золотым яблоком вернулся домой.

Так и жили брат с сестрой, повесив веревку с золотым яблоком вокруг своей землянки и с козой с золотым волосом, пасущейся рядом. Брат ходил на охоту, а сестра занималась домашними делами.

Увидел их царь, вышедший развлечься со своим войском. Еще больше удивленный, рассказал он слугам своим об увиденном.

Слуги, как и раньше, уверили царя и рассказали советнику, что видел царь и стали с ним советоваться, как лучше погубить этих детей.

Советник ответил, что теперь он отправить его туда, откуда парень не вернется, а сестра пойдет за ним и пропадет.

Отправил он к сестре своего слугу. Слуга пришел к ней (парень был на охоте) и сказал: «Красавица, теперь у вас есть золотые яблоки. Я пришел к вам еще с одной хорошей вестью. За шестью горами живет Малх-Азни, дивной красоты, она была бы под стать твоему брату. Ты бы отправила брата за ней.

Сестра плакала, дожидаясь брата. Вернулся брат домой.

— Почему ты плачешь, дорогая сестра? Кто тебя обидел? — спросил он сестру.

Сестра ответила:

— «Никто меня не обидел, я плачу, потому что слышала, что за шестью горами живет Малх-Азни, дивной красоты, ты бы женился на ней».

Брат сказал сестре: «Боюсь я, что разлучимся мы, да и Малх-Азни мне не нужна».

Но, оттого, что сестра так сильно хотела, чтоб он женился на Малх-Азни, он попрощался с ней и отправился в дальний путь.

Долго он шел, пока не дошел до старика, живущего за тремя горами. Рассказал он ему, что идет он за Малх-Азни.

Старик сказал ему: «Эх, парень скажу я тебе, трудное дело ты задумал, не возвращался по этой дороге еще ни один путник, ушедший за Малх-Азни, не соглашаясь выйти замуж, скольких хороших мужчин она превратила в мрамор.

Но, когда парень поведал ему, что он делает это по просьбе единственной сестры, он сказал:

Если долго идти, за шестью горами ты увидишь Малх-Азни за кройкой и шитьем. Скажи, Ассалам Алайкум, Малх-Азни, мужчина не дает девушке салам, но я дал тебе салам, потому что тебе можно дать[63].

Если она ответит тебе, она выйдет за тебя замуж, если не ответит, ты по колено превратишься в мрамор. Если она не ответит, во второй раз спроси ее, почему Малх-Азни, ты не хочешь говорить со мной, не жаль тебе меня и мою сестру? Если она ответит, то выйдет за тебя, если не ответит, то до сердца превратишься в мрамор.

В третий раз ты спросишь ее: «Малх-Азни, не говори ни слова, но я никогда не прощу тебе, что без вины погубила ты меня. Если она ответит, то выйдет за тебя, если не ответит, то покатишься, превратившись в камень».

Старик дал ему советы, выбрал лучшего коня из своего табуна, взамен захудалой лошади парня и проводил его в путь.

Он шел и шел, пока не прошел шесть гор и прибыл к Малх-Азни.

Как и рассказывал старик, Малх-Азни сидела за кройкой и шитьем.

«Ассалам Алейкум, солнцеликая Малх-Азни, мужчины не дают девушке салам, но я дал его тебе, потому что тебе можно дать»? — сказал парень. Малх-Азни не ответила ему, и парень по колено превратился в мрамор.

Во второй раз он спросил девушку: «Малх-Азни, почему ты не хочешь говорить со мной, тебе не жаль меня и мою сестру?»

Ни слова не вымолвила Малх-Азни, парень до сердца превратился в камень. Третий раз обратился он к Малх-Азни: «Ты можешь ни слова сказать, Малх-Азни, но я никогда тебе не прошу, что без вины ты погубила меня».

Тогда Малх-Азни заговорила: «Я приветствую тебя, гость. Теперь я вынуждена выйти за тебя замуж, мне понравились ты и твоя сестра, смилуюсь я над тобой, чтоб не превратился ты в мрамор», — сказала она и, собрав свою одежду, завязала в клубок свои трехэтажные дворцы и положила в карман.

Собрав тройку лошадей, двинулись домой солнцеликая Малх-Азни и брат сестры. Долго они ехали пока не прибыли к старику. Старик очень обрадовался, когда они остановились у него.

Взамен всему хорошему, что сделал для него старик, он решил остаться у него на три дня и три ночи и пасти его отару.

Он оставил старика отдыхать дома, а сам утром пошел пасти его отару.

Отара, пощипывая траву, нечаянно перешла на землю Черного Хаджи.

Черный Хаджа увидел на своей земле отару и разгневанный, с криком кто посмел погнать на его земли отару, побежал к парню.

— Это я пасу отару на твоей земле, — крикнул в ответ кант.

— Тогда мы будем драться, — сказал Черный Хаджа.

— «Драться, так драться», — сказал парень. Они долго дрались, пока парень не одолел его. Он повалил Черного Хаджи и отрубил ему голову. Потом он до вечера пас отару на его земле и вернулся домой. Старик очень удивился, увидев свою отару как никогда сытую. Парень ему ничего не сказал.

На второй день парень погнал отару пастись на землю Белого Хаджи.

Белый Хаджа увидел на своей земле отару и разгневанный с криком: «Кто посмел пасти отару на моей земле?» — направился к парню.

— Это я пасу отару на твоей земле, — крикнул в ответ парень.

— Тогда мы будем драться, — сказал Белый Хаджа.

— Хорошо, — согласился парень и стал с ним драться. Долго они дрались. Наконец, парень одолел Белого Хаджу и отрубил ему голову. Он спрятал голову Белого Хаджи рядом с головой Черного Хаджи, до вечера пас отару на его земле и вернулся с отарой домой.

Старик сказал «парень, ты привел мою отару досыта накормленную», «вот такой я благодатный человек», — пошутил парень, промолчав о происшествии.

На третий день парень погнал отару на землю Рыжего Хаджи.

Рыжий Хаджа увидел на своей земле отару и разгневанный с криком: «Кто посмел пасти отару на моей земле?» — направился в сторону парня.

— Это я пасу отару на твоей земле, — крикнул в ответ парень.

— Тогда мы будем драться, — сказал Рыжий Хаджа.

— Я согласен, — ответил парень.

Долго они дрались. Наконец парень одолел его и отрубил голову.

До вечера пас он отару на земле Рыжего Хаджи и вернулся домой с тремя отрубленными головами.

«Старик, вот тебе три головы трех Хаджи, теперь ты можешь пасти свою отару на их трех горах», — с этими словами, он кинул головы к ногам старика.

Обрадованный старик от души поблагодарил его, в подарок отдал ему половину своей отары и проводил в дорогу сына и сноху свою Малх-Азни.

Они вернулись домой со своей отарой. По прибытии Малх-Азни достала из кармана клубок, раскинула его, и дворцы в прежнем виде предстали перед ней.

Брат с сестрой стали жить, имея трехэтажные золотые дворцы с Малх-Азни и с отарой, во главе с козой с золотым волосом.

Сестра была очень рада. Царь опять увидел их. Пораженный вернулся царь домой и рассказал своим слугам, что видел золотые дворцы, вокруг которых были развешаны золотые яблоки, отару, пасущуюся во главе с козой с золотой бородой, брата и сестру изумительной красоты и Малх-Азни солнцеликую.

Послушали слуги его, и пошли к советнику царя посоветоваться с ним. Советник их выслушал и сказал: «Я больше ничего не могу придумать. Вот только одно можно сделать. Соберите войско царя пусть они выкопают огромную яму у двери, приготовьте блюда с отравой, и пригласите их в гости. Если они пройдут мимо ямы, угостите их отравленной едой».

Выполнив все задуманное, советник отправил к Малх-Азни своего гонца.

Малх-Азни внимательно выслушала гонца и сказала, что они придут в гости, и отправила его, потом сказала брату с сестрой: «Если вы будете идти точно по моим следам и кушать то, что буду и я, тогда мы пойдем в гости». Брат с сестрой согласились выполнить все, что им сказала Малх-Азни.

Тогда они пошли в гости к царю. Шедшая впереди Малх-Азни легко прошла вдоль стены, вслед за ней прошли и брат с сестрой.

— Уберите эти кушанья, принесите нам другую пищу, — сказала Малх-Азни, когда они сели за стол. Со стола убрали всю пищу и принесли им новую.

Царь, удивленный умом Малх-Азни спросил:

— Что вы за люди?

Я расскажу тебе, кто мы, если ты позовешь сюда жену, которую ты выгнал, ее сестер, своего советника и его слугу.

Царь приказал позвать всех, кого назвала Малх-Азни. Когда все собрались, Малх-Азни сказала:

«Никого не выпускайте и никого не впускайте».

Царь послушно закрыл все двери на замки.

Тогда Малх-Азни рассказала царю о всех злодеяниях, совершенных его поданными.

— Эта женщина твоя жена, эти двое, дети, которых она тебе родила, а я тебе сноха», — сказала она.

Царь понял все и сказал «до сих пор обманывавших меня советника и слуг закопайте в яму, вырытой для гостей». Приказ царя был срочно выполнен.

Царь пригласил в гости слепого старика и мельника, закатил пир на три дня и три ночи.

Никто не видел такого пира со дня сотворения Земли.

Впервые напечатано в 3-м томе «Нохчийн фольклор» // Опубликовано в НФ. Перевод с чеченского Хеди Цураевой.

ТУРЛОВЫ

В Веденском округе имеется гора, так называемая Кетыш-Корт (Кхетташ-Корт) гора согласия, на которой ежегодно выборные старейшины отдельных родовых общин собирались для разрешения тех или иных вопросов, касающихся взаимоотношения отдельных родов и для разрешения кровных родовых вопросов всего чеченского племени, и не только вопроса текущего дня, но и обычаи и этикет вежливости все это разрешалось и санкционировалось на горе Кетыш-Корт. Всякое решение, вынесенное на горе Кетыш-Корт, каждый считал для себя обязательным к выполнению без всякого понуждения с какой бы то ни было стороны, но чеченцы не знали в то время искусства действовать сообща. При нападении иноплеменных врагов, каждый род действовал сам по себе. Поэтому более организованные противники и лучше вооруженные постоянно побеждали чеченцев и оттеснили их с плодородных мест — пастбищ с плоскости в горы.

Во время одного собрания на горе Кетыш-Корт было решено пригласить кумыкских князей[64] Турловых,

которые могли бы сплотить все роды чеченского племени воедино, обучить искусству владеть оружием для отражения постоянных нападений врагов.

Турловы обучили чеченцев хорошо владеть оружием и действовать совместно, при защите общеплеменных интересов и после этого чеченцы очистили не только всю территорию от кабардинцев, калмыков и других неприятелей, но и успешно начали сами нападать на соседей.

Турловы получили власть, стали обкладывать данью отдельные роды укреплять свое могущество и ограничивать свободу вольных общин. В дальнейшем на одном из собраний, на горе Кетыш-Корт было решено прогнать Турловых, объявить, что отныне в Чечне не должно быть ни князей, ни рабов и что все чеченцы считаются «узденями», вольными благородными людьми.

Ошаев Х. В сердце Чечни. Грозный: «Серло», 1928.

УСАР[65]

Когда-то два Нохчоя, возвращаясь из Кабарды, шли по правому берегу Терека. На другом берегу, на казачьей стороне Терека, в опушке леса, они увидали какое-то пестрое чудо: зверь — не зверь, человек — не человек. У одного из чеченцев было длинное крымское ружье, он был славный стрелок. Чеченец этот метким выстрелом, через Терек положил на месте это чудо. Чеченцы, переплыв Терек, приблизились осторожно к убитому чуду. Они увидали на этом чуде какую-то мудреную, невиданную, неслыханную, пеструю и блестящую одежду. Сняв осторожно с чуда эту одежду, они увидели, что у чуда этого, как у человека: и голова и лицо, и глаза, и уши, и две руки и две нога, что он мужчина. Посмотрев, потолковав, чеченцы порушили, что чудо это должно быть черт-шайтан. Возвратясь в аул с одеждою шайтана, чеченцы, показывая одежду, рассказывали, как было дело. Весь аул дивился, понять не мог, кто это был: человек ли, или шайтан. Один из стариков посоветовал отправить невиданную одежду на Кумыкскую плоскость к кумыку Измаилу, который все видел, все знает, и знаком был с самим царем московским, Петром[66]. Когда Петр здесь воевал, Измаил понравился Петру. Царь взял Измаила в Москву. «Измаил, — повторил старик, — все видел, все знает». По совету старика чеченцы отправились с одеждою чуда к кумыку Измаилу. Измаил как только увидел одежду, так и ахнул! «Ну, — сказал

Измаил, — теперь все пропали! Одежда эта — московского Усара; такихъ Усаров много в Москве. У! какие воины эти Усары! У них нет ни друзей, ни родных, ни жилья: они все воюют до самой смерти. Когда придут сюда Усары, пропало все. Они все горы завоюют!

Записал Головинский П.И. // ССТО, вып. I, с. 258—259.

ХИТАНА — ПРЕДВОДИТЕЛЬ ДРУЖИНЫ ШАРОЙСКИХ КНЯЗЕЙ (ШАРОЙН ЭЛИЙН ГІЕРАН БАЬЧЧА ХІИТ1АНА)

С правой стороны Шаро-Аргуна аула Дай (ДІай), стоящего на краю обрыва, угнать скот пришел вождь шаройской дружины Хитана. Зайдя в село, и погнав скотины, сколько ему хотелось, уходил он обратно из Дая. Вдали от села, в месте, где он должен был пройти, сделав засаду, дайцы (дІайхой) убили и Хитана и членов его дружины. После этого не устраивала набег на Дай дружина из Шароя.

Записал в 1967 г. Сираждин Умаров в с. Дай со слов Мовсуева-Масуда // «Орга», 1968, №1, с. 57.

Шарой. Фото Лечи Ильясова.

ХРАБРЫЕ ЧЕЧЕНКИ

Во время нападения хевсуров на чеченские аулы, расположенные в верховьях реки Аргун, не оказалось дома мужчин, так как они ушли в поход. Хевсуры, отобрав весь скот, решили забрать в плен оставшихся в ауле жителей.

Чеченские женщины, вступив в бой с многочисленным и хорошо вооруженным отрядом хевсуров, разбили его наголову, отобрали свой скот и пленили многих воинов. Большинство женщин сражалось с хевсурами на лошадях. Причем, они владели оружием не хуже мужчин.

Записал Бородин Д. со слов Арсгири Хазитова, с. Мержой-Берам (1880-х г.р.).

ХЯНГИХОЙСКИЙ МОЛОДЕЦ
(ХЬАЬНГИХОЙН КЪОНАХ)

Когда мы вчера к нарзану шли, вы слышали, как чабан внизу кричал, а ему с горы, из аула отвечали? Так долго, громко кричали, вроде как пели. Есть песни такие — нарочно так сложены, чтобы их далеко слышно было. Поет человек, высоко на горе, а его совсем в другом месте — в ущелье слышат, и узнают по песне, что ему надо.

А раньше у людей дудки такие были — вроде зурны, на них можно было так сыграть, что, кто эти знаки знал, то понимал, а кто не знал — тот думал, что это просто чабан стада собирает.

...Один человек из Хангихоя пас на горе своих овец и коз, и, вдруг, увидел отряд Дагестанцев. Узнав врагов, он стал играть на зурне так, что в селении поняли и ответили ему тоже на зурне:

— Загони стада свои в пещеру, а сам обмани Дагестанцев, пока мы приготовим оружие!

Тогда чабан стал кричать врагам:

— Моя мать была из Дагестана, из вашего селения. Я хочу вас угостить. Идите ко мне в пещеру, я буду резать барана, устрою пир!

Они поверили и пришли. Чабан стал резать барана, а в это время люди его аула взяли оружие и пошли к пещере, напасть на врагов!

Вдруг... случилось чудо: раздался гром, затряслась земля, скала поднялась и упала, закрыла вход из пещеры.

И никто не мог отвалить эту скалу, чтобы опять открыть вход. Все люди и овцы погибли там.

Но осталась от входа маленькая щелка; чабан вставил в эту щелку свою дудку и стал играть своим: «Собаки мои едят моих овец, овцы мои едят мою обувь и мой серебренный пояс, бараны мои едят мои ноги».

Песню эту и до сих пор поют в народе. А еще, он тогда кричал своим: «Желтые овцы раньше всех подохли, потом погибли и черные овцы. Дольше всех без еды могут серые овцы».

И теперь в этих местах разводят только серых овец. Вы тут пойдете в Хангихой, увидите сами.

И пещеру ту можете посмотреть — до сих пор в ней лежит много костей людей и животных.

Записала Уствольская Н.М. 16 августа 1939 г. со слов Абдул-Кодира Кади-Магомаева, с. Итум-кале // Дневник похода 39 по Чечне и Тушетии.

ЧАДА, СЫН ЧОПЛО
(ЧОПЛОН ЧАДА)

Говорят, был один нарт Чоплоев Чада, он отличался от своих братьев силой. Из-за этого его мать выделяла его своим особым вниманием. Не жалела для него еды-питья, с особым усердием растила она своего сына.

Чоплоев Чада удивительно сильным и могучим вырос.

Однажды Чоплоев Чада пошел в лес на охоту. Так, ходя-бродя по лесу, переходя одну реку, был очень удивлен. Ее вода была красного цвета. Отчего эта вода окрашена в красный цвет? — задумался он.

Тогда Чоплоев Чада пошел вверх по течению и дошел до огромного нарта. Нарт наносил ножом раны на свое колено и голень. Этого нарта спросил Чоплоев Чада:

— То, что ты делаешь, удивительно и непонятно!

Нарт ответил, что это он делает, чтобы не уснуть.

— Там в лесу в башне (гІала), такой же как я, один нарт есть. Через некоторое время, с девушкой, которую он отнял у меня, он должен выйти и пройти по этой дороге. Поэтому я здесь перекрыл им путь. Я или сам погибну в бою с ним, или его убью! Для меня только такой возможен исход!

Чоплоев Чада сказал нарту:

— Не нанося ран на колено и голень, ты ложись спать, а когда они будут идти, я тебя разбужу.

Нарт сказал: «Ты не сможешь меня разбудить». «Но, если подготовившись заранее, ты свалил бы на меня эту чинару когда они покажутся, я бы проснулся», — попросил он Чоплоева Чаду.

Нарт лег. Спустя некоторое время, Чоплоев Чада увидел тех двух нартов. Чоплоев Чада то дерево свалил на нарта. Тогда нарт проснулся.

Эти два нарта сцепились за девушку. Очень жестоко бились они, вырывая с корнями деревья, били ими друг друга, метали огромные камни-валуны. В конце концов, они дрались-дрались и оба погибли. Когда те два нарта погибли, оставшаяся девушка-нарт уселась плакать. Чоплоев Чада спросил ее:

— Почему ты плачешь?

Девушка сказала:

— На всем свете таких больших нартов было только трое, а теперь я осталась одна и потому плачу.

Чада говорит девушке: «Ты выходи за меня».

Девушка ответила: «Выйду, если ты сев на коня, поднимешь саблю и сможешь достать до моей головы».

Сев на коня, Чоплоев Чада поднял саблю, но его сабля достала только плеч девушки. После этого, девушка, оставила Чоплоева Чаду и ушла прочь.

Записал в 1980 г. Джамуханов Сулейман со слов жителя Иордании, г. Заркa Абдель Пани Хасана, 1927 г.р., энгено, выходца из Али-Юрта // Пхармат, 1992, № 2, с. 111—112.

ЧЕБЕРЛОЙСКИЕ КНЯЗЬЯ, УБИТЫЕ В ШИКАРОЕ (ШИКIАРАХЬ БАЙИНА ЧЕБАРЛОЙН ЭЛИЙ)

В селах, что вниз и вверх по Шарой-Аргуну, своих сыновей сажали (на княжение) чеберлойские князья. В одно время, из Чеберлоя, пришли семь братьев и сели в Шикарое. Шикароевцев полоть, вверх по склону гор косить, на себя батрачить заставляли семь братьев. В конце концов, восставшие шикаройцы убили чеберлойских князей.

С тех пор владычество чеберлойских князей над шикароевцами пало.

Записал Серажди Умаров со слов Витушова Хабибуллы, уроженца аула Хашалг, проживавшего в 1 отд. Совхоза имени Орджоникидзе // «Орга», 1969, № 1, с. 48.

ЧАБАРО, ГОНДАЛО И ДОТТАХО (ЧIАЬБАРО А, ГIОНДАЛО А, ДОТТАХО А)

Чабаро, Гондало, Доттахо, говорят, три брата были из орстхой. Их пастухи заметили, что козел ведущий стадо, с пастбища утром пропадает, а на закате появляется. Встревоженные пастухи младшему, Доттахо, это рассказали. «Моим братьям, и ни кому, не рассказывайте это», — сказав, Доттахо большой моток нитки принести, и к ноге этого козла нить привязать наказал старшему пастуху. На закате Доттах увидел, что от большого мотка ниток осталось совсем чуть-чуть. Нить сматывая, пошел он. Идя, добрался до козла. На берегу соляного озера лежал тот. Кругом пшеница и просо было. Попивая соленую воду (Берам), пшеницу-просо поедая, хорошо жил козел.

В тайне от братьев получать выгоду от соли стал Доттахо. Когда братья это узнали, «Нашу долю дай», — сказали они. «Если даже убьете, не дам», — ответил Доттахо. Брата не имея возможности убить, братья разошлись. Сейчас, где общество Чеберлой (ЧIебарла) лежит, ушел Чабаро. На Фартанге (Форта) жить сел Гондало.

Записал Ибрагим Дахкильгов в Бамуте со слов Гандалоева Ибрагима Зовлиевича, 1860 г.р. // «Орга», 1975, № 3, с. 47.

В Берхате (БерхIате) жившего Гондало (ГIондало) овец пас Чебарло (ЧIебарло). Что одна овца, отбившись от отары, побродив, вечером возвращалась, заметил он. В поисках ее, заметил, что овца ходит к одному источнику. Когда источник на вкус попробовал, и что он соленый заметил, Чебарло овцу убил, а место с источником от людей скрыл.

После того, Гондало дочь умыкнув, в свои горы ушел. Когда год прошел, сын появился у него. Своей жене, идущей в отцовский дом, муж сказал: «Попроси у своих отцов земли, размером со шкуру вола. Пока не ответят, домой не возвращайся». Со временем, в доме отца дочь попросила это, отец сказал: «Столько земли не дам я, вы из людей, чье семя разрастется». Каждые три-четыре месяца девушка снова и снова обращалась к отцу. «Не дам», — говорил отец. К Гондало приехали чужеземные князья. Они заметили, что молодая женщина с сыном крутится по дому. «Это что такое», — спросили. Девушка рассказала как есть. Князья договорились к

хозяйской еде не прикасаться, пока он просьбу своей дочери не удовлетворит. Но Гондало не ответил. Рассердившись, князья уйти собрались.

Гондало жена сказала: «Откликнись на их просьбу, верни их, не откликнишься — с ними не уживешься». Пойдя следом, князей вернул он, сказав, что даст ответ. Неся этот ответ, Чебарло жена домой прибыла. Чебарло выбрал для заклания самого лучшего барана. Его шкуру ножницами тонкой нитью нарезал он. Очень длинная нить вышла у него. Ее один кончик, в одном месте закрепив, нить размотал он. С соляным источником посередине, много земли охватил. Большой замок поставил, из источника соль добывая, стал жить Чебарло. Его тесть ничего не мог с этим поделать.

Записал Дахкильгов Ибрагим со слов Терлоева Азии, 1895 г.р., уроженца Терлоя, но долго жившего в Бамуте и Берхате // «Орга», 1975, № 3, с. 47.

ШАРОЕВСКИЕ ВИТЯЗИ (ШАРОЙН ТУРПАЛШ)

В той местности, которая теперь известна под именем Малой Чечни, в верховьях быстрого Шато-Аргуна, среди дремучих лесов стояло некогда богатое селение Шары (Шоьра). Века прошли над ним с бедствиями войны и разорениями, многочисленные народы приходили один за другим искать его гибели, и реки крови своей и чужой были пролиты шарцами при защите родных лесов, за которыми они считали себя безопасными… И вот в одну бурную ночь цветущее селение погибло: остались только печальные развалины, стены рухнувших сакль, закоптелые, с провалившимися потолками, башни, да черные обугленные пни деревьев, по которым время от времени вспыхивали и пробегали тонкие зловещие огненные змейки.

Всю ночь бушевала страшная буря, и свирепый пожар быстро совершал свое разрушительное дело. Под утро набежала тучка, но было уже поздно. Огонь, правда, легко уступил враждебной стихии и, свившись в черные клубы дыма, прилег к пепелищу, но все уже было покончено с Шарами.

Во время пожара никто не приходил спасать имущество; не было обыкновенных в такое время явлений: суеты, криков, беготни, тревоги. Шары сгорели спокойно, как жертва на костре, заранее лишенная

жизни. Людей, по крайней мере, живых, в то время там уже не было. И гордый аул не увидел восходящего над собою солнца.

Шары были жертвой междуплеменной вражды.

Раздоры между ними и одним из аулов карабулакских были древни, как самое существование этих народов. Отцы заповедовали их детям, поколения — поколениям. И пробил, наконец, час возмездия — последний страшный час шарцев. Карабулаки, соединившись с ингушами, темною ночью прокрались через леса, в глубокой тишине, окружили Шары и, по условному знаку, напали на сонных жителей аула. Короток, но беспощаден был этот бой, в котором все шансы были на стороне нападавших. Когда окончил свое дело меч, начал огонь, его всегдашний преемник.

Наутро не было и следов богатого селения. Союзники, в ожидании ночи, которая должна была скрыть их отступление, расположились станом на ближней возвышенности. Они захватили с собою все, что могли: домашнюю утварь, скот, хлеб и прочее, а чтобы предохранить себя от всяких покушений со стороны неприятеля, так как часть шарцев могла избежать меча и огня, площадка холма была окружена окопом.

Набег был совершен буйной шайкой, составленной из разного сброда. Здесь были и ингуши-язычники, и ингуши-магометане, были, наконец, христиане, или, по крайней мере, считавшие себя христианами.

На Кавказе всегда было обычным делом, что два врага подавали друг другу руки и общими силами губили третьего, чтобы после снова начать резню между собою. Так было и тут. Цель похода была достигнута — и миру не было уже места в таборе союзников. С последним выстрелом проснулись все замолчавшие на время распри; их старые племенные и фамильные ссоры, забытые на короткое время набега, снова зашевелились и подняли свои «сто голосов и сто языков».

Главным предметом несогласий была, как и следовало ожидать, захваченная добыча. Редкий был так счастлив, чтобы в грабеже захватить себе нужное; холостому досталось несколько пар женских туманов, христианскому священнику попал в руки богатый Коран; кто рассчитывал добыть коня — захватил корову или несколько баранов; один видел себя обладателем воза безупряжной скотины; другой, наоборот, владел скотом, а не было

воза... Словом, меновая торговля сделалась неизбежной потребностью шайки.

Пока разбирались с добычей, пленницы, согнанные к одной стороне табора, сидели в углу, возле самого вала, и оглашали стан печальным причитанием над родными покойниками, тела которых остались в глубине долины, там, где курились свежие, облитые кровью развалины. Тяжела и печальна участь кавказской женщины, попавшейся в плен, в руки неистовых варваров!

В средине стана, где шел базар, и менялась добыча, стояли три или четыре намета горских предводителей. При каждом из них развевались значки из красной или синей материи, и при каждом значке находился часовой, от бдительности которого зависела честь народа и войска, к которым он принадлежал. Один из этих часовых, усатый ингуш в огромной бараньей папахе, с накинутым на плечи нагольным тулупом, опершись о винтовку, стоял с ложкой в руке между кадушкой сливок и кадушкой меду, в нерешительности, чему отдать предпочтение. Прочие сидели вокруг костра, и один из них насаживал на рожон кусочки баранины, чтобы готовить шашлык. Но тут случилось обстоятельство, которое погубило и шашлык и кадушки. У одного из наметов стоял огромный рыжий бык, привязанный к колу, а возле развевалось раздражавшее его красное знамя. Бык трясся от ярости, бил и копал землю копытами и, наконец, бешеным прыжком оборвал свою привязь. Знамя первым сделалось жертвой его ярости, за ним пострадали кадушки, шашлык и, наконец, часовой, который возился с вертелом. Бык устремился далее. В это время обладатель кадушек, не успевший ничего отведать ни из той, ни из другой, в припадке гнева приложился из винтовки; грянул выстрел — и «неприятель» был ранен. Почувствовав боль, разъяренный бык еще ужаснее заметался по табору, все опрокидывая и сокрушая вдребезги на своем пути. После нескольких выстрелов, из которых часть попала в людей, бык, весь израненный, вскочил в огромный костер и разбросал головни во все стороны. Одна из них упала на чье-то тряпье, которое мгновенно и вспыхнуло. Бывшие вокруг него, чтобы остановить пожар, разбросали впопыхах тряпье и такое, которое уже тлело, и подожгла остальную рухлядь. Пожар, раздуваемый сильным ветром, охватил весь стан. В суматохе

не успели выхватить нескольких ящиков с порохом, и холм потрясся от страшного грохота взрыва.

Паника охватила весь стан. Ингуши и карабулаки с криком и проклятиями бросились в разные стороны, толкая друг друга и топча упавших. Вал, который должен был служить охраной, едва не сделался причиной их гибели. И пока удалось им выбраться из окопов, истребительная стихия много обожгла усов и бород. Крики боли, страха и проклятий, смешавшись с ревом перепуганного скота, составили поражающую музыку. Наконец преграда была разрушена, — и отлогие скаты холма покрылись толпами бегущих. Счастлив был тот, кто целым очутился внизу, потому что бывшие сзади валили передних, топтали их в бегстве, путались и сами падали. Однако же нашлись смельчаки, которые, презирая опасность, возвратились к вещам, чтобы, по крайней мере, спасти то, что было подрагоценнее. Добыча подверглась установившееся, опять уничтожилось.

Усатый ингуш, который своим необдуманным мщением за опрокинутые кадушки был главной причиной несчастья, бросился к пленницам, о которых в суматохе совсем забыли. Схватив первую попавшуюся, он сдернул с нее чадру, взглянул в лицо, плюнул и столкнул ее в пропасть; другую, третью постигла та же участь. Наконец он попал на одну, которая ему понравилась. Но едва он сбежал со своей добычей вниз, к подножию холма, на него накинулись двое, с криком показывавших, что эта пленница их и принадлежит обоим по равной доле. Крик перешел в ссору, и ссора готова была уже разразиться рукопашной свалкой. Но в ту минуту, как новый обладатель пленницы готовился доказывать свои права кулаками, кто-то толкнул его в затылок, и он упал наземь. Два претендента, пользуясь счастливым моментом, уже схватили пленницу, один за одну, другой за другую руку, и намеревались скрыться с нею, но усатый ингуш, вскочив с земли, успел схватить несчастную за ноги. Все трое снова закричали, посылая друг другу угрозы и проклятия, а бедная жертва их спора едва слабым стоном изъявляла признаки жизни и неминуемо жестоко пострадала бы в этом распинании, если бы не явился четвертый и не вмешался в ссору. То был сам предводитель, поспешивший на шум, чтобы помешать начинавшемуся побоищу.

— Стойте! — сказал он. — Вы оба домогаетесь права на половину этой пленницы. Так?

— Так.

— Следовательно, вся-то она, как есть, никому не принадлежит из вас?

— Никому, — отвечали оба претендента.

— А ты, третий, спас ее от огня и теперь говоришь, что она твоя?

— Моя.

— Почему же?

— Потому что я спас ее от огня.

— Эта причина недостаточна, — сказал предводитель. — Например, если кто кому спасет жену — неужели же он может присвоить ее себе? Если бы ты спас меня самого, то неужели и я был бы твой? Каждый скажет, что нет. Следовательно, девушка и тебе не принадлежит, так же как и им.

Поднялся новый спор, и тогда порешили бросить жребий. По жребию девушка досталась усатому ингушу.

— Уступи мне ее за двадцать баранов, — сказал тогда предводитель.

— Да ты спроси прежде, кто она такая, — не без гордости возразил ингуш, — ведь она сестра здешних узденей, Лейля.

— Так что ж из того! Уздени лежат под пеплом своего аула, выкупа от них не дождешься.

— Но кто же видал, чтобы сестру узденей продавать за двадцать баранов! — сказал усач, соображая, сколько же он может попросить за пленницу.

— Ну, хорошо. Возьми за нее мою крымскую винтовку. Ингуш призадумался. Винтовка была хороша, лучше ее не найти... А все же, девка может стоить дороже.

— Ну, так слушай же, — сказал предводитель, — бери винтовку и, в придачу, любого из моих жеребцов — на выбор.

На этом торг, наконец, состоялся, и Лейля перешла к новому владельцу.

Между тем наступила ночь, и партия направилась в обратный путь. Пискливые зурны открывали шествие. Напрасно предводители старались их унять, убеждая, что отступление требует глубочайшей скрытности и тишины; но набег окончился, и никто больше не думал о повиновении. Партии приходилось, прежде всего,

пройти густой лес, перерезанный множеством оврагов, без всякого следа торной дороги. Ночь была темная, дождь лил как из ведра, и земля, растворившись, образовала непролазную грязь. Конным труднее было держаться вместе, чем пешим, и потому они разбрелись по целому лесу: кто попал на тропинку, тот отправился сам по себе, а кто засел в овраге или застрял в кустах, тот выбирался, где и как ему было удобнее.

И вдруг посреди лесной тишины зловеще грянул ружейный выстрел, за ним другой... Двое раненых присели, схватившись один за голову, другой за ногу. В шайке пошла суматоха, и несколько винтовок ударили наудачу. Брань и крики ингушей послышались с той стороны, куда направлен был залп карабулаков.

— Да там наша конница, — заговорили пешие. — Кто же это стреляет-то?

Но снова грянул выстрел, за ним опять другой, и двое новых раненых опять опустились на землю.

— В шашки! В шашки! Живьем хватайте их! — кричали ингуши и карабулаки.

И хотя все гикали во всю мочь, однако же лишь немногие сунулись вперед, да и те воротились, потеряв одного убитым. После этого уже никто не счел себя обязанным рисковать жизнью, и на каждый выстрел шайка отзывалась только угрозами и криком. А тем временем два невидимых стрелка посылали пулю за пулей, и редкий выстрел их не приносил новой жертвы.

Заколдованный лес, наконец, окончился, шайка подошла к реке. Но вследствие сильного дождя, шедшего всю ночь, переправы не было. Одна конница с трудом перебралась вплавь, да и то, потеряв несколько человек, унесенных течением воды. И вдруг из кустов выскочили два человека и кинулись рубить все, что ни попало под руку. Испуганная неожиданным нападением, шайка метнулась в сторону и пока опомнилась, пока пришла в себя и сообразила, что нападающих только двое, те уже снова скрылись в кусты, а на песчаном берегу лежали следы их нападения — несколько изрубленных трупов.

Утро наступившего дня было пасмурное, но не дождливое. Между развалинами сожженного аула чернела сумрачная башня, и из ее бойниц кое-где пробивался дымок как бы от разложенного внутри нее небольшого костра. Там, погруженные в мрачные думы, сидели два человека, два героя нынешней ночи. Они одни пережили родной аул и

справили по нему кровавую тризну. Эти два человека были уздени, братья несчастной пленницы Лейли.

Потто. Кавказская война. 1899, Тифлис, Т.2. Чечня. Чеченский набег, с. 42—45.

ШАРОЙСКИЕ КНЯЗЬЯ (ШАРОЙН ЭЛИЙ)

Есть в Шарое две башни, возведенные с красиво оформленными венцами. Два брата имели по одной из этих башен — Эйкахуса (ЭйкIахьуса) и Хесаума (ХьесаIума) звались. У этих князей было большое конное войско. Хлеб этим князьям и княжескому войску поставляли люди живущие в Шарое и вокруг Шароя. Эти князья настолько были горделивы, что им претило выставлять на бега даже кобыл на скачках, которые приехали к ним устраивать другие князья. Никогда ни у кого пленных не брали эти князья.

Записал в 1967 г. Сераждин Умаров в совхозе Орджоникидзе Ачхой-Мартановского района, со слов Барзаева Курбана // «Орга», 1968, № 1, с. 57.

ШАРОЙСКИЙ КНЯЗЬ ЭЙКАХУСА УБИТЫЙ ИМАМОМ ШАМИЛЕМ (ИМАМ-ШЕМИЛА ВИЙНА ШАРОЙН ЭЛА ЭЙКIАХЬУСА)

В первый раз дойдя до Шароя (Шора) Эйкахусы боевую башню осадил Шамиль. Укрывшегося в своей башне Эйкахусу несколько дней не могли убить. Но брошенный шаройцами Эйкахуса недолго мог сопротивляться, Шамиля войско убило его.

До прихода имама Шамиля Эйкахуса и скотом, и зерном взимал дань с людей, живущих в Шарое и лежащих вокруг Шароя селах. После того, как он был убит, его башню своему наибу отдал Шамиль.

В Шарое и окрестных Шарою селах еще много состоятельных людей убил Шамиль. Для завершения этого дела, в местечке, недалеко от Шароя, были поселены цадахаройского (цIадахарой) тейпа суьйлий (дагестанцы). Этих цадахаройцев кадий большими полномочиями был наделен в то время. Когда пал Шамиль в свою землю вынуждены были уйти суьйли. После них оставшиеся могилы до сих пор есть вблизи Шароя.

Записал Сераждн Умаров в с. Шарой со слов Абдуллаева Махмы, 1868 г.р., который слышал этот рассказ от своего отца // «Орга», 1969, № 1, с.45.

ШЕЙХ МАНСУР (УШУРМА-ШАЙХ)

Шейх-Мансур не был «ученым», по словам Шамиля, он даже вовсе не знал грамоты, но взамен того он владел необыкновенным даром слова, который, при его мужественной, увлекательной наружности, имел неотразимое влияние на горцев, симпатизирующих всему, что резко бросается в глаза, или поражает слух.

Настоящее имя этого проповедника Ушурма; а то, которое сделало его известным на Кавказе, было не что иное, как прозвище, данное в честь его заслуг и достоинств: «Мансур» значит «счастливый в своих делах», «любимый Богом».

В период окончания первых волнений в Чечне, произведенных Шейх-Мансуром, старшины Чеченских обществ, изъявивших покорность России, были вызваны, как гласит предание, по повелению Императрицы Екатерины II в Петербург. Во время представления их ко двору, Императрица между прочим спросила их, не знают ли они, кто такой Шейх-Мансур?

Депутаты отвечали утвердительно и описали своего бывшего предводителя в самых черных красках, и при том, как человека ничтожного.

В таком роде говорили все депутаты, за исключением одного, от сел. Брагуны, по имени Кучука, который в продолжение всего разговора о Шейх-Мансуре упорно молчал и только с некоторой иронией взглядывал по временам на своих товарищей. Императрица заметила это и тотчас же обратилась к нему с вопросом, почему он ничего не говорит?

Кучук отвечал, что в присутствии великих людей он считает своей обязанностью молчать в то время, когда говорят другие, старшие; но что если Государыне угодно, так он будет говорить. Получив это приказание, Кучук предварительно спросил: как Императрица прикажет ему говорить: правду, или только красные слова? Получив снова приказание говорить одну лишь правду, Кучук рассказал о Шейх-Мансуре совершенно противное тому, что говорили прочие депутаты; он выставил его как человека, одаренного от природы всевозможными достоинствами, моральными и физическими, в числе которых заслуживающим особенного внимания ему казался рост Шейх-

Мансура: «он был так высок, что в толпе стоящих людей казался сидящим верхом на лошади».

Услышав такое описание, Императрица стала вдруг со своего места и в этом положении дослушала остальные слова Кучука. Потом, на вопрос — для чего она это сделала, — отвечала, что, слыша о человеке, в котором заключается так много великих достоинств, она должна думать, что Бог не даром полюбил его и что обстоятельство это служит, по Ее мнению, верным признаком существования в таком человеке множества качеств душевных и умственных; а потому то Она и встала, чтобы этим самым выразить свое уважение к столь достойному человеку, «любимцу Бога».

Дальнейшее повествование Шамиля касается смерти Шейх-Мансура: он кончил свое земное поприще в Анапе. Шамиль слышал, что Русские, взяв его в плен, заключили его в бочку, набитую гвоздями, и скатили таким манером со скалы в море.

Записал 30 декабря 1859 г. Руновский А.И. в Калуге со слов пленного имама Шамиля, который слышал этот рассказ от человека, лично знавшего Мансура // Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор. Калуге, с 1859 по 1862 год.

ШИКАРОЙСКИЕ КНЯЗЬЯ ПЛЕНЯЮТ САДОЙСКИХ КНЯЗЕЙ
(ШИКЪАРОЙН ЭЛАША ЙИЙСАР БИНА САДОЙН ЭЛИЙ)

Долгое время стояла жестокая война между шикаройскими и садойскими князьями. В конце концов, войско садойских князей иссякло, тогда князья шикаройские пленили их и угнали на рабский труд. Шикаройские князья заставляли своих пленных садойских князей на сенокосе косить на подъем — вверх по склону.

Вечером, уставших до того, что они не могли стоять на ногах, своих пленных, заковав в кандалы, каждый вечер загоняли в сарай на краю одного обрыва, в центре своего замка садились пить брагу князья шикаройские. Сделав подкоп из сарая, в котором они сидели, под основание обрыва, так что случился оползень, погубивший тех веселящихся князей, ушли одним вечером на свободу те садойские князья.

Записал в 1967 г. Сираждин Умаров в с. Дай со слов Мовсуева Масуда // «Орга», № 1, 1968, с. 56.

ШИХ-МИРЗА ЗЕЙТОВ[67]
(ЗАЙТАН ШИХМИРЗА)

В то время, когда Шамиль был имамом, он арестовывал и казнил испытанных лучших людей. Ших-Мирза поехал к Шамилю специально для того, чтобы переговорить с ним по этому поводу. Он рассказывает в назидание ему свою историю и заявляет, что если Шамиль будет продолжать считаться с «аршинниками» и пренебрегать такими, много пережившими людьми, как он, то он не долго продержится имамом.

Нохсуп diecars(«Чеченские рассказы»). Запись Эльдарханова, изд. Нациздат, 1926 г.

ЭЖЕЙ И ЕГО БРАТОМ ОСТАВЛЕННАЯ БАШНЯ
(ІЕЖАС А, ЦУЬНАН ВАШАС А ЙИТИНА ГІАЛА)

В пятиэтажной башне (гІала) жил в Бавлое (БІавла) самый богатый человек — Эжа (Іежа). Имам Шамиль, как только пришел, сделал наибом Эжу, потом, скоро позвал его к себе коварно убить. Ничего не подозревая прибывшего к нему наиба задержал имам. Но ночью, убив своего стражника, убежал и скрылся Эжа. Ему вслед посланный раньше него достиг Бавлоя. Это дело заподозривший Эжин брат в башне заперся. Вечером в башню попытавшийся пробиться отряд он с боем отбил. Ночью под основание башни заложить полные кадки (хара) пороха попытался отряд. Тогда Эжин брат со всех сторон башни на цепях сбросил пылавшие огнем стволы деревьев. Всякого, кого освещало этими пылающими бревнами, убивал он. Многих воинов этого отряда уничтожил он в эту ночь. Оставшиеся в живых ушли до рассвета. При таком исходе дела вернулся домой Эжа. После этого, Эжа и его брат присоединились к царским войскам, и воевали против Шамиля. С тех пор опустевшей стоит башня Эжи до сих пор в Бавлое.

Записал Серажди Умаров в с. Серноводске со слов Садаева Шамиля, уроженца Терлоя // «Орга», 1969, № 1, с. 47.

ЭЛИСТАНЖИНСКИЕ СЁСИК И ЧУШТАР
(ЭЛСТАНЖАРА СОЬСИК А, ЧУШТАР А)

В центре Элстанжи, на месте называемом «ГІали баса» («Склон башни») имея свою башню жили Сёсик и Чуштар. Они были сильными людьми, и скот пригнать, и людей взять в плен и привести были в состоянии. В то время элстанжхойская земля простиралась до места,

называемого «Алды» («Іалда»). Земля элистанцхойцев стала уменьшаться в те времена, когда закладывалось Шали, и другие такие же села.

Записал в 1967 г. в с. Элистанжи Сираждин Умаров со слов Такалашева Бексолты // «Орга», 1968, № 1, с. 57.

ЯГАЕВ ЯГА ИЗ ГОРНО-АККИНСКОГО ОБЩЕСТВА (ЛАМ-АЬККХАРА ЯГИН ЯГА)

В Горно-Аккинском ауле, называемом Вовге (ВІовге) жил один князь, по имени Яга. Будучи князем, обладающим силой, он с народа дань (ял) брал. С каждой семьи галанчожцев (галанчІожахой) в год по гирде[68] пшеницы брал, с ялхаройцев (ялхарой) по гирде орехов брал, с кейцев (кейхой) по гирде ячменя брал Яга. Со временем, племянник Джени начал спорить с князем. В одной из стычек, из-за права княжения, Джени убил своего дядю (брата отца). От Яги оставшееся хозяйство разделить собрались родичи (верасаш). Наследников не имел князь, кроме беременной жены. «Я беременна, наше имущество не делите», — просила Яги жена, но родичи эту просьбу проигнорировали. В отчаянии, женщина сняла свой пояс и бросила его перед родственниками мужа: «Вот, и это поделите», — сказала она. Этого не выдержав, один из родственников мужа бросил в сноху ножницы для стрижки овец (чІода). С вонзившимися в пах ножницами убежала к своим соседям Ягина жена. У этих соседей в этот же день родила сына она. Сын Яги появился на свет с раной на теле, нанесенной кончиком тех ножниц, поразивших пах матери. Сосед, принявший Яги жену как гостью объявил селу, что на свет родился сын Яги, а он дал ему имя Ягаев Яга. Скоро, в Галанчоже живущие родственники матери забрали Ягаева Ягу вместе с матерью. В это время княжил убивший Ягу Джени. В то время, когда Ягаев Яга вырос, пришел в Галанчож собрать дань Джени. Вместо пшеницы, наполненные козьим пометом (гезарийн луьст) гирды послал Ягаев Яга к мытарям, а бросившемуся на галанчожцев обозленному Джени Ягаев Яга снес голову ударом меча.

Записал Сираждн Умаров от родившегося ВІовге Чергизова Исмаила (1899 г.р.) в 1969 г. В настоящее время живущего в Серноводске // Орга, 1970, № 1, с. 59—60.